ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ГРАФѢ Н. Н. МУРАВЬЕВѢ-АМУРСКОМЪ.

ГРАФЪ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій былъ, безспорно, личностью замѣчательной, но въ нашей печати имѣется очень мало свѣдѣній о немъ. Находясь въ теченіе пяти лѣтъ на службѣ при графѣ, я сохранилъ нѣкоторыя о немъ воспоминанія, характеризующія его жизнь и неутомимую дѣятельность, а поэтому считаю не лишнимъ привести ихъ здѣсь.

Н. Н. Муравьевъ прибылъ въ Иркутскъ на постъ генералъ-губернатора въ чинѣ генералъ-маіора и, по заведенному порядку, былъ встрѣченъ всѣми начальствующими лицами, а затѣмъ, въ назначенный день, они собрались въ домъ генералъ-губернатора, гдѣ всѣхъ представлялъ иркутскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Венцель. Объ этомъ представленіи мнѣ разсказывалъ бывшій въ то время начальникомъ топографовъ В. В. Клейменовъ слѣдующее: «Всѣ мы выстроились по чинамъ и частямъ въ большой залѣ, и не болѣе какъ чрезъ полчаса времени нашего ожиданія вдругъ изъ гостиной быстро вышелъ небольшого роста, но довольно коренастый человѣкъ, въ полной генеральской формѣ, съ георгіевскимъ крестомъ, въ сопровожденіи адъютанта поручика Корсакова и поздоровался со всѣми нами. Началось обычное представленіе; по окончаніи церемоніи будущій владыка Восточной Сибири, выйдя на середину залы, скрестивъ по-наполеоновски руки и отставивъ правую ногу, громко произнесъ: «За честь себѣ ставлю, господа, служить съ вами, такъ какъ среди васъ вижу нѣкоторыхъ лицъ много старше меня и болѣе

знакомыхъ съ высочайше ввѣреннымъ моему управленію краемъ, но при томъ долженъ вамъ, господа, сказать: я не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшали,—самъ буду вѣшать!» Затѣмъ, сдѣлавъ поклонъ и стукнувъ шпорою, удалился изъ залы. «Мы же отъ такой неожиданности какъ громомъ были поражены и не помня себя вышли изъ залы, оставивъ домъ генералъ-губернатора, и только опомнились въ своихъ квартирахъ, разсуждая съ своими близкими о сказанныхъ словахъ».

Дѣйствительно, Муравьевъ былъ, если можно выразиться, маленькій царекъ Сибири, съ вспыльчивымъ и твердымъ характеромъ; власть его и дѣйствія были безграничны, и, Боже сохрани и помилуй, кто бы дерзнулъ не исполнить въ точности его приказанія или же замедлить исполненіемъ и сдѣлать какую-либо ошибку, или же что-либо переиначить; тотъ страшно преслѣдовался и безъ милосердія наказывался, чему было нѣсколько примѣровъ; одинъ изъ нихъ я разскажу, какъ очевидецъ.

Въ одинъ изъ амурскихъ сплавовъ, т. е. экспедицій, отрядъ, состоявшій изъ линейцевъ и казаковъ, полевого дивизіона и двухъ горныхъ орудій, слѣдовалъ изъ Шилкинскаго завода на баржахъ, плотахъ и большихъ лодкахъ, которыми командовалъ полковникъ Корсаковъ. Муравьевъ же съ своею супругой Екатериной Николаевной плылъ на катерѣ; и вотъ во время слѣдованія за одну только сдѣланную ошибку одного командира роты онъ чуть было не закопалъ живымъ въ землю, но, благодаря заступничеству супруги Муравьева и разъясненію Корсакова о невиновности означеннаго командира, послѣдній не былъ закопанъ, а награжденъ орденомъ Станислава 2-й степени съ извиненіемъ въ горячности.

Дѣло было такъ: въ авангардѣ была 1-я рота 14-го линейнаго батальона, а въ арьергардѣ 3-я рота 16-го линейнаго батальона съ своимъ командиромъ капитаномъ Березовскимъ. Муравьевъ вздумалъ сдѣлать передвиженіе и отдалъ приказаніе Корсакову (но когда былъ чѣмъ-либо взволнованъ, то говорилъ очень скоро и болѣе не повторялъ, такъ что надо было имѣть большой навыкъ уловлять его слова), чтобы авангардъ вступилъ въ колонну, а арьергардъ вышелъ бы въ авангардъ, въ арьергардъ же вызвать 4 роту 14 линейнаго батальона. Корсаковъ же на этотъ разъ какъ-то не понялъ и ошибся, приказалъ штабъ-горнисту дать сигналъ совершенно иной, вслѣдствіе чего вышла въ передвиженіи путаница и рота Березовскаго, вмѣсто того, чтобы выступить въ авангардъ, вступила въ колонну, что Муравьевъ и замѣтилъ. Вдругъ со средины рѣки несется на всѣхъ веслахъ катеръ Муравьева, съ котораго громко раздалась команда:

— Къ берегу баржи! высадить отрядъ! составить карре!—Березовскаго взять подъ конвой и въ серединѣ карре закопать въ землю.

Самъ же Муравьевъ, выскочивъ изъ катера, въ бѣшеномъ состоянiи сталъ бѣгать по берегу, произнося громко что-то невнятное.

Воспользовавшись этимъ случаемъ, Корсаковъ вошелъ на катеръ и объяснилъ супругѣ Муравьева, что эта суматоха произошла по его винѣ, такъ какъ онъ не вполнѣ понялъ распоряженiе. Выслушавъ Корсакова, Муравьева сошла съ катера на берегъ, знакомъ пригласила Н. Н. къ себѣ и по-французски объяснила переданное Корсаковымъ. Затѣмъ Муравьевъ предварительно напустился на Корсакова, а потомъ скомандовалъ:

— Развернуть карре! Прочь конвой! Г. капитанъ Березовскiй, пожалуйте сюда!

Тотъ подошелъ; Муравьевъ снялъ съ себя орденъ Станислава 2-й степени и, надѣвая на Березовскаго, сказалъ:

— Извините меня за мою горячность!

Березовскiй стоялъ болѣе часу надъ ямой и смотрѣлъ, какъ ему готовили могилу, и въ такой короткiй срокъ болѣе чѣмъ на половину посѣдѣлъ.

Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскiй жизнь свою велъ ненормально: опредѣленнаго времени для отдыха или сна у него не было; иногда ложился рано, иногда же поздно, но вставалъ всегда рано, въ 5 часовъ утра; выкупавшись въ рѣкѣ и выпивъ одинъ стаканъ крѣпкаго съ ромомъ чаю, закусивъ однимъ сдобнымъ сухаремъ, выходилъ пѣшкомъ изъ дома на прогулку по берегу рѣки Ангары или же по городу и никогда не пропускалъ случая переодѣтымъ осмотрѣть всѣ базары и торговлю, а также и толкучiй рынокъ, всегда прицѣнялся ко всему, что продавалось, и отъ его быстраго орлинаго взгляда ничто не укрывалось. Если замѣчалъ какiе-либо неблаговидные поступки торговцевъ съ крестьянами, привезшими изъ деревень что-либо на базаръ для продажи или же какiе-либо безпорядки, допущенные базарной администрацiей, то съ таковыми не церемонился: судъ и расправа чинились тотчасъ же, и городская тюрьма принимала къ себѣ новыхъ квартирантовъ. Даже сложилась среди торговцевъ поговорка: «смотри, чтобы тебя муравей не отправилъ въ свою кучу». Побывавъ затѣмъ въ какихъ-либо учрежденiяхъ и учебныхъ заведенiяхъ, онъ обо всемъ, что видѣлъ или замѣтилъ, записывалъ въ свою памятную книжку и возвращался къ 12 часамъ обратно домой, гдѣ ожидалъ его въ столовой завтракъ, состоявшiй изъ тертой рѣдьки съ конопляным маслом и печенаго картофеля въ мундирѣ. Послѣ завтрака выходилъ къ просителямъ и принималъ доклады и обо всемъ замѣченномъ въ городѣ дѣлалъ распоряженiя. Въ 5 часовъ обѣдалъ. Пищу любилъ простую русскую: щи, гречневую кашу съ подливомъ изъ-подъ жаркого и рѣдко когда кусокъ жаренаго мяса или котлету, виноградныхъ винъ не пилъ, а простую очищенную водку, бросая предварительно

въ рюмку одну горошину перцу, и съ нею выпивалъ залпомъ; по окончаніи обѣда иногда ложился на одинъ часъ, а то такъ и вовсе нѣтъ.

Когда же кто-либо приглашалъ его съ себѣ на обѣдъ, то всегда Н. Н. спрашивалъ:

— А гречневая каша съ подливомъ будетъ?

— Будетъ, ваше сіятельство!

И ставилъ въ условіе, чтобы каша ему была подана въ горшкѣ, изъ котораго самъ себѣ накладывалъ въ тарелку.

А вотъ одинъ интересный случай и его утренней прогулкѣ. Выйдя изъ дома, Н. Н. повернулъ въ проулокъ, который велъ на Большую Амурскую улицу. Не доходя до Воспитательнаго дома Базанова, ему встрѣтился въ веселомъ видѣ писавшій ногами мыслете чиновникъ Б. Остановивъ его, Муравьевъ спросилъ:

— Ты кто такой?

— Сек-ре-т-арь ир-кутс-ка-го земс-ка-го су-да, вер-чусь ту-да и сю-да!...

Услышавъ такой дерзкій отвѣтъ, Н. Н., осмотрѣвшись кругомъ, подозвалъ ѣхавшаго верхомъ казака, которому и приказалъ этого вертуна отвести на гауптвахту, куда чрезъ нѣсколько времени и самъ прибылъ. Войдя въ кордегардію, у встрѣтившаго его караульнаго офицера спросилъ:

— А гдѣ этотъ вертлявый?

Чиновникъ былъ выведенъ.

Муравьевъ, обратившись къ нему, спросилъ:

— Ты семейный или холостой?

— Семейный.

— Изъ кого состоитъ твоя семья?

— У меня жена, двое дѣтей и мать.

— Гдѣ ты былъ?

— Въ гостяхъ.

— И не ночевалъ дома, забывъ свои обязанности семейныя и служебныя. Сколько тебѣ лѣтъ?

— 30 лѣтъ.

— А на службѣ?

— 12 лѣтъ.

— Такъ вотъ что, за твою дерзость, сказанную мнѣ, я тебя долженъ предать суду, но, сожалѣя твою семью и старуху-мать, я тебя прощаю. Но зато, чтобы ты не покидалъ семью и не кутилъ бы по ночамъ да помнилъ бы царскую службу, на которой ты состоишь,—я тебя высѣку!

И тутъ же приказалъ солдатамъ, разложивъ его, всыпать ему 100 лозъ.

Послѣ экзекуціи Муравьевъ сказалъ:

— Надѣюсь, что произведенное кровопусканіе принесетъ тебѣ пользу и вразумленіе!

Съ этими словами вышелъ съ гауптвахты, приказавъ новопросвѣщеннаго вертуна отвести въ его квартиру. А на слѣдующій день прислалъ чрезъ своего адъютанта К. его семейству 150 руб., при чемъ сказалъ:

— Отвезите эти деньги, передайте его женѣ и скажите отъ моего имени, чтобы она съ матерью старались уговаривать и удерживать отъ разгуловъ своего мужа и сына, и обратите вниманіе на обстановку квартиры ихъ и въ какомъ положеніи находятся дѣти, сколько ихъ и какихъ лѣтъ, потомъ мнѣ доложите.

Исполнивъ порученіе, адъютантъ К. доложилъ Муравьеву, что обстановку квартиры нашелъ довольно бѣдную и что сыну 9 лѣтъ, а дочери 7 лѣтъ, и они ходятъ чуть не босые.

Н. Н. въ тотъ же день отдалъ приказаніе принять дѣтей на казенный счетъ интернами: сына въ мужскую, а дочь въ женскую гимназіи.

При вступленіи въ должность генералъ-губернатора Н. Н. Муравьевъ обратилъ главное вниманіе на устройство, промышленное развитіе, бытовую, экономическую и образовательную часть края и, не довольствуясь представленнымъ ему описаніемъ, захотѣлъ лично все самъ обозрѣть, для чего и совершилъ поѣздку, продолжавшуюся два мѣсяца. По возвращеніи въ Иркутскъ, ему были представлены кирпичъ чаю и коровай хлѣба, которыми питались жители заштатнаго города Туруханска. Хлѣбъ былъ испеченъ изъ смѣси яричной непросѣянной муки, смолотой сушеной рыбы, лебеды и бѣлаго тундроваго моху; чай же представлялъ изъ себя какую-то спресеованную, не имѣющую названія массу. При этомъ было доложено, что почва этого края неплодородна и посѣянное во время не дозрѣваетъ, а потому жизненные продукты всѣ привозные и находятся въ рукахъ восьми человѣкъ кулаковъ-торговцевъ, которые, эксплоатируя весь край и имѣя между собой стачку, берутъ непомѣрныя цѣны, какъ-то: за одинъ пудъ яричной муки 3 и 4 руб., такъ что бѣднымъ жителямъ нѣтъ возможности лакомиться такимъ хлѣбомъ, а объ остальныхъ продуктахъ и говорить нечего. Было принесено нѣсколько жалобъ енисейскому губернатору, на которыя никакого распоряженія не послѣдовало и самого губернатора туруханскіе жители у себя въ краѣ не видали.

Выслушавъ подобный докладъ отъ прибывшей депутаціи туруханскихъ жителей, Муравьевъ въ тотъ же день экстренной эстафетой вызвалъ енисейскаго губернатора Л., который, по прибытіи въ Иркутскъ, тотчасъ же представился Н. Н. Муравьеву. Послѣдній, не подавая вида, оставилъ губернатора у себя на чай, каковой въ назначенное время и былъ поданъ губернатору, приготовленный изъ туруханскаго, съ таковымъ же печеніемъ, вытесаннымъ на-

подобіе изысканнаго печенія изъ представленнаго коровая, а Муравьеву чай былъ поданъ обыкновенный, съ кондитерскимъ печеніемъ. И вотъ тутъ произошла довольно комичная сцена: губернаторъ, принявъ чай и взявъ печеніе, хотѣлъ откусить, но не тутъ-то было, печенье оказалось какъ камень; помакнувъ въ чай, снова попробовалъ откусить, но оно не поддавалось, а чай издавалъ отвратительный запахъ. Губернаторъ дѣлалъ гримасы одна другой смѣшнѣе. Муравьевъ же, молча наблюдавшій за нимъ, спросилъ:

— Какъ нравятся вашему превосходительству этотъ чай и печенье?

Губернаторъ не зналъ, что отвѣчать.

— Я васъ спрашиваю, ваше превосходительство, нравятся вамъ этотъ чай и печенье?

Губернаторъ послѣ повтореннаго вопроса, растерявшись, отвѣтилъ:

— Я никакъ не могу, ваше высокопревосходительство, понять, что мнѣ подано?

— Это вамъ подано то, чѣмъ питаются жители туруханскаго края, въ которомъ вы не изволили ни разу быть, а на жалобы не обращали вниманія; поэтому предлагаю вамъ взять четырехмѣсячный отпускъ и болѣе въ край не возвращаться.

Преемникомъ ему былъ назначенъ состоявшій при главномъ управленіи Восточной Сибири д. с. с. Падалка, человѣкъ въ высшей степени развитой и энергичный.

Туруханскій край находился въ то время подъ управленіемъ отдѣльнаго засѣдателя, котораго Н. Н. Муравьевъ вмѣстѣ съ восемью торговцами-эксплоататорами приказалъ взять въ солдаты и отправить ихъ въ г. Вилюйскъ, Якутской области, въ инвалидную команду. Найденныя же у нихъ въ большомъ запасѣ муку, крупу и прочіе продукты отобрать и раздать бѣднѣйшимъ жителямъ, по самымъ низкимъ цѣнамъ.

Разъ секретно графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому, только что получившему графское достоинство, было доложено, что богатыя еврейскія фирмы, какъ-то: Швейковскіе, Домбровскіе и Копны, посылаютъ рано утромъ за городъ своихъ агентовъ, которые и скупаютъ цѣлыми обозами хлѣбъ у крестьянъ, везущихъ его на базаръ; а въ то время были неурожаи по Забайкалью и Иркутской губерніи, и народъ бѣдствовалъ.

Какъ разъ послѣ означеннаго доклада прибылъ съ рапортомъ полицеймейстеръ полковникъ Сухотинъ, дѣльный и энергичный человѣкъ, которому графъ Муравьевъ (также секретно) приказалъ выслѣдить еврейскихъ агентовъ, всѣхъ ихъ захватить и вмѣстѣ съ крестьянами представить къ нему, что на слѣдующій день и было исполнено.

Въ 4 часа утра, когда еще графъ не вставалъ, уже у дома его стоялъ крестьянскій обозъ, состоявшій изъ 67-ми возовъ съ хлѣбомъ, и цѣлый кагалъ жидовъ, подъ конвоемъ городовыхъ и казаковъ.

Когда было доложено графу, что приказаніе его исполнено и захваченный обозъ съ хлѣбомъ, крестьянами и еврейскими агентами стоитъ у его дома, ожидая распоряженія графа, Н. Н., выйдя на балконъ, крикнулъ громко:

— Полицеймейстеръ! весь стоящій здѣсь обозъ отправить въ тюрьму, хлѣбъ тамъ ссыпать. Крестьянамъ же,—чтобы они не смѣли продавать за городомъ перекупщикамъ, не доѣхавъ до базара,— дать по 25 лозъ и, взыскавъ съ купившихъ за хлѣбъ деньги, заплатить крестьянамъ по той цѣнѣ, за которую былъ хлѣбъ проданъ. Перекупщикамъ же и евреямъ-агентамъ дать по 100 горячихъ лозъ, а самихъ хозяевъ сказанныхъ фирмъ заключить на годъ въ тюрьму.

Читатели, не удивляйтесь такимъ строгимъ дѣйствіямъ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго. Въ то время такая строгость была нужна и полезна для края, о благоденствіи котораго онъ неустанно заботился, за что и по сіе время край его благословляетъ. Дай Богъ побольше такихъ дѣятелей и радѣтелей Русской земли, преданныхъ престолу!

Дѣйствія графа Муравьева-Амурскаго были всегда справедливы, но иногда и довольно курьезны. Заботясь о вновь присоединенномъ Амурскомъ краѣ и наполненіи его войсками, которыхъ въ Восточно-Сибирскомъ генералъ-губернаторствѣ было очень немного, онъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе выбрать на укомплектованіе ихъ изъ гарнизонныхъ батальоновъ и корпуса внутренней стражи всѣхъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ и, объявивъ имъ прощеніе штрафовъ, выслать въ Восточную Сибирь въ распоряженіе графа. Съ прибытіемъ же въ Иркутскъ они разбивались на эшелоны и отправлялись на Амуръ.

Мало того, графу желательно было, чтобы эти нижніе чины, хотя не всѣ, но большая изъ нихъ половина, были семейные, которые могли бы заняться въ новомъ краѣ, съ помощью отъ казны, сельскимъ хозяйствомъ; но, къ сожалѣнію, почти во всѣхъ прибываемыхъ партіяхъ оказывались нижніе чины холостые.

Тогда графъ Н. Н. призываетъ къ себѣ иркутскихъ полицеймейстера и земскаго исправника, которымъ и приказываетъ въ двухнедѣльный срокъ представить ему списки всѣхъ проститутокъ г. Иркутска и округа его, а также женщинъ и дѣвицъ, замѣченныхъ въ легкомъ поведеніи, съ отмѣткой ихъ лѣтъ и званія. Такое же распоряженіе было экстренно послано къ енисейскому, забайкальскому и якутскому губернаторамъ, которымъ чрезъ главное управленіе Восточной Сибири предписывалось немедленно

исполнить и всѣхъ означенныхъ женщинъ и дѣвицъ, при спискахъ съ ихъ документами, подъ наблюденіемъ офицеровъ за конвоемъ, на конныхъ подводахъ выслать въ Иркутскъ. По прибытіи, на слѣдующій день всѣ эти женщины и дѣвицы были представлены на смотръ и выстроены на площади около казармъ въ одну шеренгу, противъ холостыхъ солдатъ, ранѣе выведенныхъ. Затѣмъ раздается команда для солдатъ: «Шеренга впередъ, шагомъ маршъ!» и, не доходя на одинъ шагъ разстояшія отъ женщинъ, снова раздается: «стой!» Затѣмъ дается приказаніе каждому взять за руку стоящую визави и становиться на указанное мѣсто. Когда всѣ пары выстроились, ихъ повели въ Преображенскую, около казармъ, церковь, въ которой нѣсколько священниковъ съ 8 часовъ утра и до 8 вечера совершали обрядъ вѣнчанія; по окончаніи его въ казармахъ на большихъ столахъ для новобрачныхъ были поставлены водка, пиво и закуска, а затѣмъ до 12 часовъ происходила пляска подъ балалайки и гармоники. Вслѣдствіе того, что особыхъ отдѣльныхъ комнатъ не было, всѣ новобрачные были размѣщены на нарахъ.

Такъ какъ штрафованные изъ гарнизоновъ все прибывали и поэтому требовались еще невѣсты, то графъ сдѣлалъ распоряженіе такого рода: приказалъ напечатать объявленія и расклеить ихъ по всему г. Иркутску. Въ объявленіяхъ было напечатано, чтобы молодыя женщины и дѣвицы послѣ 9-ти часовъ вечера, когда пробьютъ зарю, не смѣли выходить изъ своихъ домовъ и квартиръ, въ противномъ случаѣ онѣ будутъ за неисполненіе этого распоряженія забираться полицейскими патрулями и затѣмъ сдаваться въ отведенныя помѣщенія завѣдывающему офицеру, а на слѣдующій день обвѣнчаны съ нижними чинами, слѣдующими на Амуръ. Для ознакомленія съ объявленіями назначался 10-тидневный срокъ, а для того, чтобы жители знали о наступленіи запрещеннаго времени, въ разныхъ мѣстахъ города въ 9-ть часовъ вечера горнистами игралась заря.

Когда были расклеены по Иркутску означенныя объявленія, то нужно было видѣть, какую панику они навели на жителей, а въ особенности когда было приведено въ исполненіе нѣсколько примѣровъ надъ смѣльчаками, рискнувшими не исполнить опубликованнаго распоряжешія; никакія просьбы, мольбы и слезы не могли смягчить полицейскихъ чиновъ, даже не дѣйствовали и предлагаемые денежные выкупы.

Былъ только одинъ случай. Квартальный П., находившійся дежурнымъ въ полиціи, соблазнился и взялъ 300 руб. съ довѣреннаго купца Б. за его сестру, дѣвицу, взятую патрулемъ, которую и освободилъ. За такой поступокъ по приказанію графа означенный квартальный надзиратель въ 24 часа былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ каторжную работу на 5 лѣтъ въ нерчинскіе рудники.

Разумѣется, такое строгое наказаніе отбило у всѣхъ чиновниковъ охоту брать взятки и заставило свято исполнять свою обязанность.

Всѣ повѣнчанные нижніе чины вмѣстѣ съ своими женами были партіями отправлены на конныхъ подводахъ до г. Читы и Срѣтенска, а изъ Срѣтенска на плотахъ и баржахъ до г. Благовѣщенска, гдѣ и распредѣлялись по станицамъ Амура, съ перечисленіемъ въ казачьи семьи. Для постройки избы было отпущено по 100 бревенъ строевого лѣса, затѣмъ изъ казеннаго склада выдавалось: для окошекъ стекло, для печей вьюшки и заслонки, для сохи сошники и бороны, желѣзные зубья, грабли, вилы, топоры, по одному коню и деньгами по 50 руб. на каждую семью.

И вотъ такими-то людьми и были наполнены въ первое время по Амуру казачьи станицы.

Правда, изъ числа этихъ амурскихъ сынковъ (какъ ихъ называли) нѣкоторые вышли порядочными хозяевами и казаками, но, къ сожалѣнію, очень немногіе, большая же часть оказалась неисправимыми негодяями.

С. Казариновъ.